

2. Крупнов Ю.В. Преземптивная война. // http://www.kroupnov.ru/5/30_1.shtml
3. Пустовойтова Е. Ирак, Ливия и “список Хоссудовского” // <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/23/irak-livija-i-spisok-hossudovskogo.html>
4. Там же.
5. Там же.
6. Интервью заместителя генерального директора по разведке и добыче "Газпром нефти" Бориса Зильберминца. // <http://www.gazprom-neft.ru/press-center/lib/264/>
7. Ганов А. ТНК послали в Ливию наемников? // http://www.csef.ru/studies/defence/projects/military_strategy_review/articles

Куропятник А.И.,
г. Санкт-Петербург

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И ВЫБОР РОССИИ

Несмотря на то, что тема мультикультурализма, уже несколько десятилетий находится в центре внимания социальных наук, сегодня как и тридцать лет назад мультикультурализм не приобрел значения общепринятой теории и практики межкультурного сосуществования в границах национального общества, равно, как не получил и всеобщего признания в качестве перспективной стратегии транснационального партнерства. В социологической литературе выделяются, как правило, три основных теоретических направления, в рамках которых происходит развитие концепций мультикультурализма.

1. Коммунитаризм – все культуры имеют равные права и равную ценность.

2. Демократия – сохранение в границах национальных обществ групповых культурных различий.

3. Либерализм - сохранение стабильной культуры в интересах социализации индивида (Кимликка). Последнее положение созвучно идее «национально-культурной автономии», получившей распространение в социальной теории начала XX в. (Вивьерка М.)

Почти за 60 лет своей истории мультикультурализм подтвердил статус концепта, утверждающего принцип культурного многообразия везде, где для него находилась благоприятная почва. Своих сторонников, как, впрочем, и противников, он нашел в сфере политики, в академических кругах, в движениях групп меньшинств, пытающихся манифестировать свою культурную исключительность в противовес культурам, так называемого, национального большинства. Повсюду, где возникала опасность культурной и этнической ассимиляции, где предпринимались попытки внедрения силами государственных социальных технологов политик «плавильного котла» - мультикультурализм в той или иной форме выступал против требований «монокультурности» национального общества, против структурной интеграции и дискриминации людей по признаку инаковости.

Мультикультурализм – это система принципов, определяющих фундаментальные контуры взаимодействия, взаимной терпимости, сотрудничества народов, культур, образов жизни в общем политическом и социокультурном пространствах. Сегодня он прочно ассоциируется с культурным плюрализмом, этническими группами, этнокультурными и религиозными сообществами, но одновременно сопряжен с темой социальной дезинтеграции, разрушения национального общества и государства. Последнее обстоятельство представляется довольно странным, так как исходный, канадский вариант мультикультурализма, как идея, политика, социальная технология был создан для урегулирования внутригосударственного конфликта между двумя европейскими по происхождению общинами франкоговорящего и англоговорящего населения

Канады. Именно мультикультурализм, благодаря усилиям П.Трюдо, оказался оптимальным инструментом достижения общественного согласия и для канадской федерации и для канадского государства. Равный доступ к политическим, социально-экономическим и культурным ресурсам страны, в первую очередь двух этих групп населения, был тем условием, на основе которого оказалась возможной реализация концепции мультикультурализма, взаимное признание и общественный мультикультуральный диалог. Именно в рамках этой концепции впервые в истории Канады был провозглашен равноправный статус различных по культуре, по происхождению народов внутри канадского государства, во имя общего государства и нации. Бывшие французы-европейцы и бывшие англичане – европейцы - иностранцы друг для друга в Европе, впервые стали не- иностранцами в границах общего государства. Индейцы Канады и инуиты были вовлечены в орбиту мультикультуральной политики канадского правительства несколько позже. Однако их вхождение в политическое пространство страны привнесло в канадскую концепцию мультикультурализма, основанную на политическом, культурном и правовом равенстве между англофонами и франкофонами, идею первонации, то есть требование различия коренного (индигенного) и пришлого населения, каким, несомненно, являлись бывшие европейцы. Идея «первонации» привнесла в канадский мультикультурализм также проблему «первенства» индигенных групп населения на политическом поприще страны, которое сопровождалось требованиями государственных гарантий в деле сохранения традиционной культуры коренного населения, языка, систем расселения, особенностей хозяйствования и образа жизни. Коренное (индигенное) население в рамках политики мультикультурализма впервые в своей истории выступило в роли коллективного субъекта права. Именно эта совокупность событий уже на начальном этапе формирования концепта канадского мультикультурализма заложила основу его теоретического и прикладного дрейфа, многочисленных интерпретаций как в академических работах, политических программах так и в социальных практиках. От

континента к континенту, от страны к стране, в зависимости от специфики внутренней политики, этнокультурной мозаичности мультикультурализм приобретает новые теоретические очертания и новые, зачастую, далекие от изначальных, социальные смыслы, культурные конфигурации и формы. Уже к середине 1970-х гг. исходный канадский вариант мультикультурализма претерпел заметную трансформацию. От концепта, весьма успешно содействовавшего достижению социальной стабильности в границах национального общества Канады, Австралии и других стран (заметим, преимущественно между группами бывших европейцев), он изменился до главного оппонента национального общества и государства, в границах которых получили признание культурное многообразие, групповые права меньшинств и этнокультурные сообщества, и гетто.

Опыт Европы.

В европейскую общественную жизнь (Германия) идея мультикультурализма была впервые привнесена по аналогии с конфликтной ситуацией в Канаде, в качестве инструмента урегулирования противоречий между двумя церковными общинами – католической и протестантской. Однако этот вариант мультикультурализма оказался нежизнеспособным для центрально-европейской действительности ни по форме, ни по содержанию. На фоне заметного понижения градуса религиозности у европейского населения в 1970-1980 гг., предложенный вниманию общественности один из вариантов понимания феномена «культуры» как явления, возникшего из специфики культурных практик религиозной общины, а их совокупность в общем национально-государственном политическом пространстве как вариант мультикультурализма принят не был. Жизнь оказалась намного динамичнее академической схоластики. В европейском транснациональном пространстве позицию, сходную с положением индигенных народов и «первоначаль» заняли, в основном, не коренные европейские меньшинства, определявшие и определяющие себя как европейцы, а иммигранты, использовавшие риторику культурной исключительности для достижения

групповых целей. Отмечу попутно, что именно иммигранты Канады уже в начале 1970-х гг. попытались выступить с требованиями признания их групповых прав в политическом и культурном пространстве страны. Однако, против их притязаний на новый социально-правовой статус активно выступили коренные народы и добились на время исключения иммигрантских сообществ из поля действия политики мультикультурализма. В современной Европе иммигранты, как правило, не являются коллективными субъектами права. Однако коллективность, общественность социальной, культурной, религиозной жизни достигается ими за счет уплотнения количества общественных культурных, просветительных, религиозных организаций и школ, практики этнических систем расселения в кварталах и районах городов, пригородах, в так называемых гетто. Новая общественность групп иммигрантов, превратила последних из не приметных граждан или гостей-рабочих в видимые группы населения, в часть национального общества. Последние, проживая в принимающих странах во 2, 3 или 4 поколении, считают их, будь то Швейцария или Франция, Германия или Швеция своей родиной. В среде иммигрантов сформировалось свое понимание конфигурации национальной культуры, в структуру которой необходимо должны быть инкорпорированы их религии, этнокультурные особенности как части общей культуры нации.

Это накладывает особый отпечаток на контуры восприятия ими окружающих и самих себя в повседневном социальном и культурном пространстве новой родины. И, если прежде считалось нормой замечать и обсуждать культурные отличия иммигрантов, то теперь культурные отличия и формы поведения, отличающиеся от их собственных, отмечаются иммигрантами и их потомками «у них», то есть, у населения, принявшей их страны. Несмотря на то, что программы мультикультурализма были приняты в разные годы, например, Швецией, Великобританией, Голландией, ни одна из европейских стран не включила мультикультурализм в качестве конституционного требования или нормы.

В европейских политических дискурсах мультикультурализмом зачастую называют ситуации этнического и культурного многообразия, плюрализма, возникшего не в силу какой-то особой правительственной социальной программы, а в результате неконтролируемой иммиграции. Плотность современных миграционных потоков такова, что национальные правительства не в состоянии работать со всеми иммигрантами по вопросам обучения, социальной защиты, интеграции, опираясь на небогатые финансовыми средствами национальные социальные программы. По существу, фокус внимания на группы иммигрантов и их взаимоотношения с принимающим обществом направлен не на поддержку культурных и религиозных особенностей новых групп населения, а на их интеграцию в национальное общество вне контекстов мультикультуральной риторики.

В связи с этим в западных социальных науках некоторые ученые отвергают даже сам термин «мультикультурализм». Одни соотносят его с идеей безудержной этнической, культурной диверсификации национальных обществ, приносящей в их коллективную идентичность чувство неуверенности и нестабильности. В этом случае мультикультурализм рассматривается как идеология «стареющей» нации, а иммиграция как способ решения социально-демографических проблем (Адам К., Ленцен Д., Хоффманн Л. Фауль Э.). Другие – сравнивают его с американским коммунитаризмом (мозаикой этнических общин), который ведет национальные общества не к интеграции, а к «балканизации» и конфликту (Мартиниелло М., Мейер Т.). Третьи - рассматривают мультикультурализм как своеобразную «монокультуру», то есть как форму культурного обогащения одних за счет других или интеграции культур меньшинств в доминирующую культуру большинства (Ленцен Д., Уолцер М.). В публичных дискурсах, поддерживаемых некоторыми европейскими СМИ, мультикультурализм начала XXI века рассматривается как угроза существованию Европы. О нем пишут и говорят как о доктрине столь же опасной, как и коммунизм, поскольку он противоречит природе человека.

Мультикультурализм делает видимыми культурные, расовые различия между народами и отдельными людьми, создает разделенное границами пространство этнических группы и сообществ, но не в состоянии интегрировать их в социальное единство на основе общих ценностей и целей. Таким образом, он разрушает социальную лояльность, солидарность без чего общество не может оставаться здоровым. К этому остается лишь добавить, что в условиях современного дефицита жизненно важных ресурсов нередко возникает конкуренция между группами, но не по поводу создания новых наукоемких технологий и перспективных моделей интеграции их общества как «общего дома», а по поводу перераспределения уже имеющихся ресурсов, достижений и их потребления в групповых интересах. На этой почве разворачивается действительная борьба за культуру (Бенхабиб С.), усугубляющаяся тем, что когнитивный формат производства социального поведения и действия не поддается ни управлению, ни регулированию со стороны государства. Именно здесь возникают так называемые зоны ненормированной социальности (Хабермас Ю.). Зоны социального бесправия, коррупции, рэкета, «крышевания», подавления бизнес-инициатив, экономических и социальных активностей граждан.

Ко всему этому мультикультурализм как система гуманистических принципов едва ли имеет отношение. Однако некоторые его трактовки, основывающиеся на методологических ошибках, придают ему весьма неожиданное, схоластическое содержание. Их сущность состоит в подмене текста контекстом мультикультурального теоретизирования, когда из текстов печати, видеорядов СМИ, высказываний политиков и специальных подборок цитат, представляемых в качестве репрезентативных, специально выстраивается негативный образ национальной программы мультикультурализма. Таким образом, из пары не очень понятных без контекста тезисов делается ложный вывод о мультикультурализме. Кроме того, концепты мультикультурализма выстроены, как правило, дихотомически, вероятно, из стремления «скрупулезного» соблюдения

справедливости по отношению к каждому из участников социальной мультикультуральной ситуации. Если речь идет об утрате части культурного наследия большинством, то в той же мере говорится об утрате культурного наследия меньшинством. Если в защите нуждается слабый, то защищать, на всякий случай, нужно и сильного (Р. Калоянов Р.). Все это очень напоминает так называемые парадоксы мультикультурализма (Эриксен Т.Х.).

В теоретическом плане мультикультурализм представлен различными научными школами, но не как инструмент анализа происходящих процессов и возникающих культурных, социальных констелляций, а преимущественно как форма теоретизирования. Именно по этой причине теоретические работы о мультикультурализме, о моральных основаниях социальности, толерантности, интолерантности уже на рубеже XX – XXI в. оказались доминирующими в дискурсивном поле мультикультуральной проблематики и, как следствие, не смогли выйти за дихотомические рамки оценочного отношения к мультикультурализму - «за» или «против», «хорошо» или «плохо», «свое» или «чужое».

«Оценочный мультикультурализм» исходит из опасения эссенциализации культуры и форм социальной жизни тех групп населения, которые возникли и укрепились в ходе иммиграции. Это положение относится не только к группам собственно иммигрантов, но также и к группам принимающего населения, втянувшегося в силу ряда причин в различные формы противостояния иммигрантам. Для одних и для других групп характерно переосмысление своих культурных оснований в рамках примордиализма, принимающего в качестве значимых характеристик человека и группы их происхождение, религию, расовую, этническую принадлежность, этническую культуру и особые навыки социального поведения, принятые в определенных социальных и культурных средах, а также ряд других «важных» признаков. Эссенциализация часто соотносится с биологическими признаками. В результате этого осуществляется переход от мультикультурализма к расизму и неорасизму (И. Валлерстейн).

Подобному переходу способствует также представление мультикультурализма через индикаторы целостности или констелляции признаков - культуру, происхождение, идентичность, которые, в свою очередь являются значимыми для сохранения социального единства общества. Но выделение социально значимых целостностей в культуре и обществе ведет к усилению дифференциации между различными социальными и культурными группами (Калоянов Р.).

Появление сплоченных националистических группировок, движений, правых партий в европейских демократических государствах – это особая тема в социальных науках. Сегодня можно говорить о том, что процесс этнизации и национализации затронул как группы иммигрантов, так и сообщества «большинства». Они похожи тем, что выработали сходные «правила» публичности и взаимной борьбы. Одни требуют «чистоты» культуры, языка, расы, другие – признания их притязаний на недавно освоенное жизненное пространство, сохранения особого образа жизни, языка и культуры. Мультикультурализму в этом случае отводится роль защитника и пропагандиста такой культуры, какой она была «от века» и какой она должна оставаться и впредь. Иными словами, хранить некую культурную субстанцию, основная задача которой – воспроизводить эталон «культурной чистоты», которому в полной мере соответствует «...пронизанная романтической мистикой замкнутая культурная общность, члены которой культивируют особенность, своеобразие и эмоциональное насыщение...» (Геллнер Э.).

Современная ситуация конфликта этнокультурных и религиозных сообществ в европейских государствах свидетельствует о затянувшейся ситуации выбора европейскими западными демократиями между мультикультурализмом и партикулярной «чистотой» национальной культуры и нации. Ситуация выбора остается в высшей степени актуальной и для России.

Эти попытки становятся в последнее время все более настойчивыми. Характеризуя постмиграционный потенциал европейской политики, Ю.Хабермас отмечал, - «определение того, кто именно получит власть устанавливать границы политической общности остается делом исторической случайности и фактичности событий и зависит, как правило, от естественного исхода силовых конфликтов, межгосударственных и гражданских войн» (Хабермас Ю.).

Рост числа современных исследований, посвященных актуальным проблемам полиэтнических обществ, свидетельствует об усилении интереса ученых к изучению перспектив их мультикультурального развития. Здесь открывается новое поле познавательных возможностей мультикультурализма. А сам он становится важным инструментом выявления фундаментальных причин постоянного воспроизводства культурных различий, социальных дистанций и форм взаимодействия в обществах, вовлеченных в процессы глобализации.

В соответствии с этим фокус мультикультуральной рефлексии развития полиэтнических обществ направлен, во – первых, на исследование этносоциальных и культурных процессов, механизмов интеграции национальных обществ или причин развития в них центробежных тенденций. Во-вторых, на изучение проблем социальной стратификации обществ, вызванных иммиграцией, социально-экономическим положением национальных меньшинств и новых иммигрантских групп населения (Бодрийяр Ж., Баде К., Гайзлер Р., Кастлес С., Парсонс Т., Сиджански Д.). В последнее время в отечественной социологии развиваются исследования конструктивного потенциала сложных этнических и культурных сред. Акцент научного интереса смещен в них с изучения конфликта, конфликтогенности, на исследование механизмов, приемов, опыта межкультурного сотрудничества и относительно бесконфликтного существования.

Особенность мультикультурального взгляда на природу и сущность современного общества состоит в признании его культурного и этнического многообразия. Представление об этнокультурной гомогенности национальных обществ, нации, предопределяющих состояние социальной стабильности, трактуется в концепциях мультикультурализма с точки зрения социальной динамики, процессуальности их культурных, этнических и социальных параметров, а социальная стабильность понимается как устойчивое равновесие. В этом состоит одно из важных методологических положений мультикультурализма.

Изменение этнической структуры национального общества или общностей иного уровня, их культурных компонентов, происходящее в результате массовой иммиграции населения ведет не только к трансформации характера, качества социальной среды принимающего общества, но является главной причиной изменения коммуникативных стратегий взаимодействующих групп населения, повышения конкуренции на рынке труда, социального напряжения в целом.

При этом, важное значение имеют исследования этничности, причин и механизмов установления групповых границ, а также их соотнесенности с этнокультурными параметрами групп населения (Вермюллен Х., Барт Ф., Куропятник М., Скворцов Н., Эриксен Т.).

В рамках обсуждения темы мультикультурализма в границах современной Европы особое место занимает проблема нации, национальной идентичности, так как этнокультурная плюрализация национальных обществ ведет не только к изменению этнокультурного и расового облика их населения, трансформации национального самосознания, но ставит под сомнение сам термин «нация», как форму организации жизни национально-государственной общности. «Ускользающий мир» (Гидденс Э.) современности не оставляет в этом никаких сомнений.

Транснациональный характер современной экономики заметно ослабляет полномочия национальных государств в сфере регулирования

миграционных потоков. Массовый приток иммигрантов в западноевропейские страны, например, можно рассматривать не как результат миграционной политики национальных правительств, но как следствие удовлетворения стихийной потребности международного капитала в дешевой рабочей силе в определенное время и в определенном месте. Вполне обоснованными в таком контексте выглядят суждения некоторых исследователей о том, что Европа переживает период «самоколонизации», допуская в свои границы миллионы иммигрантов из стран третьего мира. В границах национальных государств фактически возникают «параллельные общества», созданные в местах компактного расселения иммигрантов, которые своими социальными институтами, нормами морали и права подменяют, принявшее их государство и его институты.

Мультикультурализм рассматривается при этом как некая ширма, прикрывающая универсализм законов рыночной экономики. Вероятно, именно иммиграция в совокупности с другими социально-экономическими, демографическими, политическими факторами является основным катализатором социокультурной турбулентности, который определяют внутреннее развитие современных национальных государств.

Как уже отмечалось, мультикультурализм все чаще определяется как доктрина, которая деморализует людей и натравливает их друг на друга. Представители правых националистических движений, выступающие от имени «культурного большинства» все чаще артикулируют идею о неравенстве культур. Эта тема приобретает все большую актуальность, поскольку некоторые иммигрантские меньшинства в Западной Европе отрицают единую политическую культуру в границах национального общества. Парадоксально, но переосмысление и переустройство социального и культурного пространства принимающего общества «в своих интересах» прикрывается риторикой прав человека и недискриминации меньшинств.

Сложная культурная среда на локальном уровне – факт нашей повседневности. Чаще всего, мы принимаем ее, не задумываясь о структуре

ее культурных компонентов, и довольствуемся ее эмерджентными (совокупными) свойствами. В этой связи наибольший интерес представляют причины, провоцирующие активизацию полюсов этнического и культурного притяжения, когда привычный элемент сложной социокультурной среды исключается из нее и воспринимается как чужой и враждебный. В таких ситуациях имеет место реконфигурация идентичности. В условиях постоянной социокультурной изменчивости, эрозии базовых паттернов «доминирующей» культуры, идентичность не успевает обрести устойчивые формы. Из этого вытекает необходимость сохранения в качестве референтной доминирующей «культуры большинства», так как общество может сохранять внутреннюю стабильность и перспективу развития только при условии воспроизводства определенного типа личности и форм социальной лояльности. При этом первостепенной является проблема регулирования социальных лояльностей членов определенных коллективов или сегментов общества к ним самим, а также к другим аналогичным социальным образованиям (Парсонс Т.). Референтность «доминирующей культуры» отчасти снимает эту проблему.

За последние десять лет социальная и этнокультурная ситуация в странах Европы существенно изменилась. В современной социальной теории мультикультуральное общество уже не понимается как некое стабильное, неизменное общественное состояние. Напротив, концепции мультикультурализма привносят в трактовки современного общества динамизм и процессуальность. Мультикультурализм отрицает самодостаточность и эндогенный сценарий развития «чистой» культуры. Культура имеет возможность и силу развиваться только в межкультурном пространстве. Однако, трудность признания процессуальности, как необходимой характеристики общества, состоит в том, чтобы наряду с сохранением толерантности и уважения к иному в контексте межкультурного взаимодействия быть готовым к восприятию изменений собственной культуры.

Вторая проблема состоит в том, чтобы концептуализировать новое состояние культуры, как проблему поддержания устойчивой идентичности. Целостность идентичности – важный ресурс поддержания целостности общества и стабильности государства.

Выводы.

1. Современные европейские общества переживают состояние не кризиса мультикультурализма, а кризиса культурного плюрализма. Мультикультурализм не имел и не имеет в европейских странах статуса официальной государственной политики и не является обязательным требованием национальных конституций. Тогда как культурный плюрализм и групповые права, в том числе в сфере культуры, являются обязательным требованием демократии.

2. Сущность современной критики мультикультурализма состоит в том, что в европейских государствах он функционирует совсем не так, как от него ожидали. Требование толерантности и ее пропаганда, межкультурное обучение привели не к интеграции общества, а к прямо противоположному результату – дезинтеграции этнических и религиозных общин и их взаимной стигматизации.

3. «Параллельные общества» Европы, возникшие на основе территориально оформившихся иммиграционных сообществ, являются результатом не политики мультикультурализма или реализации одного из принципов мультикультурализма о признании этнокультурных групп как субъектов права, а результатом неконтролируемой иммиграционной политики. Эрозия национальных обществ усиливается тем, что на микроуровне «параллельные общества» подменяют социальные институты, социальные сети и формы самоорганизации большого общества.

4. В настоящее время в странах Европы мультикультурализм, в той конфигурации смыслов и ожиданий, который был приписан ему официальной наукой и левой политической риторикой, вступил в завершающую фазу своего существования. Скорее всего, он уступит место

новым, более реалистичным и своевременным мультикультуральным проектам. Европейские правительства, общественные движения требуют возвращения в практику политической и культурной жизни своих обществ базового требования к иммигрантам об их полной интеграции в национальное общество.

5. Требование поддержки и развития культуры большинства является важным элементом внутренних политик европейских государств. Целостность и стабильность идентичности на основе целостности культуры большинства, означает стабильность и безопасность национального общества и государства.

Выбор России.

«Россия многонациональна и многоисповедна. Без взаимного братского признания и уважения, без культурной автономии и терпимости Россия не сможет объединиться и окрепнуть» (Ильин И. Основы борьбы за национальную Россию).

Идеи И.А.Ильина о национальной России могут быть положены в основу кредо мультикультурализма любой страны, население которой и многонационально, и многокультурно, и поликонфессионально. В России особенно заметно несоответствие между теоретической риторикой о мультикультурализме, в ее западном, демократическом варианте и практиками межкультурного сосуществования на локальном уровне, в регионах и городах России, где культурные различия, скорее, дополняют общий культурный континуум, нежели подчеркивают целостность определенных культур и их взаимную разделенность.

Еще двадцать лет назад можно было надеяться, что Россия избежит антимultiкультуральной риторики, а также ошибок, допущенных западноевропейскими правительствами в политиках иммиграции и трактовках мультикультурализма. К сожалению, этого не случилось. Антииммигрантские настроения и в России, также как и в Западной Европе,

являются достаточным основанием для подмены ими мультикультуральной проблематики и отрицания мультикультурализма. Последний рассматривается только в одном варианте - как концепт разрушительный для общества групповыми правами этнокультурных групп населения и постепенным укоренением в российском обществе иммигрантских анклавов и сообществ, которые уже сегодня, в силу разных причин, тяготеют к «социальной параллельности» и религиозно-культурной обособленности в форме национально-культурных автономий.

Однако полиэтничность и поликультурность нашей страны, миграционные потоки, население городов, регионов, сформированное почти целиком из мигрантов, коллективные политические и культурные права народов, населяющих Россию, практики добрососедства существовали задолго до появления концепта мультикультурализма. Если следовать логике отрицания мультикультурализма, то нужно отрицать и пересматривать все в сфере прав народов, отрицать многовековые опыты межкультурного взаимодействия и взаимного культурного влияния. Подобная риторика в полиэтнических и поликультурных обществах разрушительна.

Реалии российской мультикультуральности требуют отчетливого различения статуса и прав народов страны и положения групп иммигрантов. Исходя из этого, мультикультуральность России важно считать историческим основанием для формирования и реализации общенациональной и региональных политик мультикультурализма.

Следовательно, изучать необходимо не «проблему культуры национального большинства» и, соответственно, как это уже не раз было «культур нациеобразующих этносов» как референтных, доминирующих, а проблему доминирования и региональной вариативности национальной культуры России в республиках, автономиях, городах и регионах страны.

При этом важно учитывать, что «столичные» варианты мультикультуральной риторики не всегда отвечают реальным задачам и практикам межкультурного и межэтнического соседства в регионах.

Россия сделала свой мультикультуральный выбор. Историческая логика развития народов, республиканских, региональных полиэтнических, поликультурных сообществ, свидетельствует в пользу интегративного варианта мультикультурализма, когда каждая культура, каждая региональная столица будет рассматривать себя важной частью, олицетворением единого политического, культурного и социального пространства России.

Вывод:

1. Риторика негативных последствий мультикультуральности является разрушительной для России.

Меренков А.В.

г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЙ

Во все времена люди сталкивались с тем, что часть индивидов не принимали те нормы, правила осуществления каких-либо действий, которые требовал социум. Взаимодействие с предметным миром, различными людьми осуществлялось человеком под влиянием иных, не соответствующих предписаниям побуждений. Наказания за нарушения моральных, правовых норм часто не давали желаемого результата. Возникал т.н. рецидив девиантного поведения. Усиление наказаний чаще всего не приводило к исправлению тех, кто нарушал законы совместной жизни людей.

Анализ истории развития культуры показывает, что усложнение технических систем, которыми человеку приходится пользоваться в повседневной жизни, норм и правил общения с людьми в трудовой, семейно-бытовой, общественной жизни ведет к увеличению числа тех индивидов, которые нарушают не только новые, но и давно существующие предписания, регулирующие жизнедеятельность современного человека. СМИ